

А.В. Суворов

Я забывал о себе, когда дело шло о пользе моего отечества

6 мая 1800 года во втором часу пополудни в Санкт-Петербурге скончался генералиссимус Российский, князь Итальянский, граф Суворов-Рымникский. Перед домом его племянника Хвостова на Крюковом канале, где смерть настигла полководца, собрались огромные толпы народа, многие плакали навзрыд.

Перед кончиной Александр Васильевич пожелал видеть Гаврилу Державина, автора прославлявших его победы стихов, и, говорят, спросил с улыбкой:

- Какую же ты мне напишешь эпитафию?

- По-моему, — отвечал поэт, — слов много не нужно: “Здесь лежит Суворов”.

- Помилуй Бог, как хорошо! — оживился на миг полководец.

Эти державинские слова и выбиты на каменной плите в храме Благовещения Александро-Невской лавры, под которой покоится прах великого сына России.

Полководческая деятельность его поистине беспримерна. За свою полувековую военную карьеру Суворов участвовал в 65 сражениях и ни в одном не потерпел поражения, в 60 данных им лично баталиях имел меньше сил, чем противник, в нескольких случаях разгромил многократно превосходящего врага: турок при Козлуджи в 1774 году и при Рымнике в 1789 году, польских мятежников в битвах 1770 — 1772 гг., французов в Швейцарском походе 1799 года.

В военном искусстве, воинском обучении и воспитании Александр Васильевич далеко опередил свою эпоху. Постоянно связанный ревнивой опекой неспособных и завистливых начальников, не имевший возможности вести кампании так, как ему виделось целесообразным, стоявший, по его собственному выражению, “между двумя батареями: военной и дипломатической”, Суворов вопреки всему явил полководческую гениальность в ее ослепительном блеске.

Критики великого полководца, не понимавшие его новаций, утверждали, что суворовские победы — исключительно результат счастливого случая, ведь воевал будущий генералиссимус не по правилам, кои предписывала линейная тактика XVIII столетия. Сам Суворов на это отвечал одним из своих афоризмов, и поныне составляющих сокровищницу мудрости российского воителя: “Счастье зависит от правил, фортуна — от случайностей”.

Отвергая столь распространенную в его время кабинетную рутину, рождавшую подробные и опутывавшие военачальников по рукам и ногам планы кампаний и сражений, Александр Васильевич сам разработал и творчески применял совершенно новые принципы военного искусства, основанные на лучших качествах русского солдата, придерживался им созданной системы подготовки войск, с юных лет усвоенных твердых нравственных начал и морально-этических норм, которые в своей нераздельной слитности и составляли сущность его удивительного дарования, секрет непобедимости воевавших вместе с ним чудо-богатырей. Многие из того, что исповедовал и насаждал Суворов, не утратило своей значимости и поныне. Для бойца и командира спецназа суворовские правила (разумеется, с поправкой на возросшие технические возможности) — универсальный рецепт победы над жестоким, коварным противником и выживания в экстремальных условиях спецопераций. А образ жизни полководца, его отношение к земным благам, комфорту, почестям и славе — достойнейший пример для любого гражданина.

Военные замыслы Суворова во всех кампаниях отличает предельная реалистичность. “Кажется, предполагаю, может быть — не должно быть в военном плане. Гипотезе не должно жертвовать войсками”, — наставлял он. Трезвая оценка действительных условий и возможностей, дальновидный расчет в сочетании с необходимой смелостью и оправданным риском — альфа и омега его военного искусства. Безрассудной отваги, способности храбро броситься в драку очертя голову, а там как повезет, Суворов не признавал.

Александр Васильевич подарил русской военной школе образцы неистощимой изобретательности на поле боя, гибкости тактики, умения применяться к местности, национальным особенностям неприятельской армии, ее вооружению и даже полководческой манере, темпераменту вражеского военачальника. С турками он сражался иначе, чем с поляками, с французами иначе, чем с турками. “Делай на войне то, что противник почитает за невозможное”, — требовал генералиссимус. В сражении при Ландскроне 12 мая 1771 года Суворов, видя прочность неприятельской позиции, но интуитивно угадывая ошеломляющий эффект немедленного натиска, бросает в бессмысленную вроде бы атаку несколько сот казаков и достигает почти моментальной победы. Другой пример мудрости суворовского правила “удивить — победить” — внезапная кавалерийская атака на турецкие окопы в Рымникской битве, имевшая целью прежде всего смутить турок, выбить их из равновесия.

Суворов был необыкновенно тонким и расчетливым психологом, и потому для него характерно широкое применение ночных нападений на противника. Он сразу получал перевес за счет дисциплинированности своих солдат и обученности их действиям ночью. В те времена редко кто решался воевать в кромешной темноте и, столкнувшись в потемках с чужаком, паниковал, спешил ретироваться, бросая лагерь, артиллерию, обозы.

Будучи яростным врагом всякой догмы, слепого принятия к исполнению инструкции или приказа, Суворов настойчиво добивался от офицеров всех рангов широкой и постоянной инициативы. Это делалось им в противовес господствующим порядкам, лишавшим даже командиров полков самостоятельности. “Я велю вправо, а должно влево — меня не слушать. Я велел вперед, ты видишь, что нельзя — не иди вперед”, — писал он.

“Меня не слушать” не колебало дисциплину, но, напротив, усиливало ее требованием проявлять разумную инициативу, ибо, говоря словами Суворова, “местный в его близости по обстоятельствам лучше судит, чем отдаленный. Он проникает в ежечасные перемены”, еще неизвестные старшему, а потому вправе вносить необходимые коррективы в предначертанное им.

Суворовских солдат отличала исключительно высокая личная выучка, физическая закаленность, бесстрашная готовность сойтись с врагом лицом к лицу и уничтожить его штыком и саблей. Александр Васильевич еще в бытность свою командиром Астраханского, а затем Суздальского пехотных полков в 1760-е годы обучал свои войска технике боя холодным оружием и за 30 с лишним лет деятельности на различных командных постах добился того, что русские солдаты стали непревзойденными мастерами штыкового удара, не имевшими равных.

В рукопашном бою, как известно, каждый отвечает сам за себя, здесь побеждают ловкость и твердые мускулы, но еще более — твердое сердце бойца. Поэтому вся система подготовки войск к войне у Суворова была направлена на то, чтобы каждый солдат приучался верить в себя, в свои силы, в то, что он безусловно опрокинет и уничтожит любого противника. “На себя надежность — основание храбрости”, — говорил Александр Васильевич. В целях воспитания высоких физических и волевых качеств он таким образом организовывал жизнь и учебу подчиненных, дабы они привыкали “быть и в мирное время как на войне”. Так, командуя Суздальским полком, часто поднимал его по тревоге (прежде это не практиковалось), водил часть днем и ночью по дорогам и без дорог, через густые леса, холмы и овраги, заставлял переправляться через Волхов и другие реки вброд и вплавь, перепрыгивать через широкие рвы, то и дело совершать в пути боевые учения. Летом и зимой, в мороз и в дождь неутомимый полковник беспрестанно занимался с солдатами: экзерцировал, маршировал с ружьем, заходил в атаку и бросался в штыки, скакал и фехтовал... Он не спал по несколько ночей кряду, питался в походе самой грубой солдатской пищей, сутками не слезал

При всей своей неказистости он воспринимался подчиненными как воплощение выносливости, энергии и стойкости. Мало кто догадывался, какой невероятно трудной ценой доставались Суворову его физические навыки. Наделенный от рождения слабым здоровьем, он всю жизнь вел никогда не прекращавшуюся борьбу с природной слабостью. Не раз Александру Васильевичу казалось, что щедушный его организм не выдержит установленных им же чрезвычайных нагрузок. «Головные и грудные боли не прекращаются, — пишет он в 1764 году знакомой Л.И.Кульневой. — У меня остались кожа да кости... похож на осла без стойла... Я точно беспомощный, поглощаемый волнами корабль. Смерть чуть не перед глазами у меня... но я ее ненавижу, решительно не хочу умирать так позорно. Хотел бы ее найти только на поле сражения». За строками этого признания — подлинная драма целеустремленного и героического характера, не прощавшего себе ни малейшей слабости.

Пуще всего на свете Суворов боялся изнеженности, которая, считал он, подобно ржавчине, разъедает волю и здоровье. Суворов лишал себя даже элементарного комфорта. Ездил всегда в самой простой таратайке или на казацкой лошаденке; одевался только в мундир, а часто бывал в одной белой холщовой рубашке; шуб, перчаток и сюртуков не признавал. Всегда и везде спал на покрытой простыней охапке сена, укрываясь вместо одеяла плащом. Вставал в 4 часа утра, причем денщику было велено нещадно будить, если проспит. В пище был очень умерен, за обедом выпивал рюмку тминной водки и стакан вина, но никогда не более того. Табак не курил и не нюхал. До старости с большой охотой участвовал в состязаниях по рукопашному бою и фехтованию. И в бою робость была неведома ему. Десятки раз он оказывался в смертельной опасности, с одной шпагой бросаясь в самую гущу сражения, чтобы вдохновить бойцов.

Показывая всю жизнь удивительный пример неослабного волевого самоконтроля, спартанского режима и систематических тренировок и заставляя следовать тому же подчиненных, Суворов всегда служил образцом человеческого, поистине товарищеского отношения к солдату и офицеру. Входя во все подробности жизни и быта войск, он проявлял особую заботу о сохранении здоровья воинов, на первое место ставя организацию их питания. Так, Александр Васильевич лично следил, чтобы пища бойца была хорошо приготовлена, из доброкачественных продуктов, подавалась своевременно и в горячем виде, причем не только во время совершения марша, но и после сражения. Часто он приказывал, чтобы повозки с котлами подтягивали сколь можно ближе к полю битвы. Если происходила задержка, сам не ел, пока не накормят солдат.

Так же поступил он осенью 1794 года, когда во время войны в Польше интендантство задержало доставку теплой одежды для личного состава. 64-летний генерал-аншеф ходил, замерзая, в летнем кителе и надел суконную куртку только после присылки войскам зимнего обмундирования.

Когда возникали особо трудные, почти невыполнимые задачи — под Измаилом, на полях Италии, в пропастях Швейцарии, — Суворов всякий раз обращался к патриотическому чувству солдата. “Мы русские, мы все одолеем!” — говорил он. Воспитывая в воинах любовь к России и стремление проявить ее в ратных доблестях, Александр Васильевич толковал национальное начало расширительно, выводя его за рамки принадлежности к славянскому роду-племени. “Я русский! Мне все по плечу!” — с гордостью повторяли за полководцем и грузин Петр Иванович Багратион, и немец Вилим Христофорович Дерфельден. И это была не поза, не дань обстоятельствам, но глубокое убеждение, воспитанное службой под суворовскими знаменами.

Потрясающие примеры того, какой силы воздействия достигало обращение Александра Васильевича к патриотическому самосознанию россиянина, дал Швейцарский поход. Когда после труднейшего, с ежедневными боями, десятисуточного перехода по заоблачным кручам 16 тысяч изнуренных бойцов Суворова, не имевшие уже ни хлеба ни патронов, оказались в Муотенской долине лицом к лицу с 80-тысячной свежей армией опытного полководца Массены, их ждали плен или гибель. Массена не сомневался, что русские сдадутся, и даже послал курьера с известием, что скоро привезет на потеху парижанам знаменитого фельдмаршала и с ним великого князя Константина — наследника Павла I. Однако мысль о сдаче на милость победителя ни разу не мелькнула у тяжелобольного почти 70-летнего старика, который, трясаясь в казацком седле, делил с солдатами все невзгоды. Чтобы поднять дух чудо-богатырей, вдохнуть в них всеокрушающую волю к борьбе, 18 сентября 1799 года Суворов собрал военный совет. Одетый в фельдмаршальский мундир, при всех регалиях, Александр Васильевич мерил шагами комнату и звенящим от волнения голосом говорил о победоносной итальянской кампании и предательских происках австрийцев, навязавших российскому императору гибельный план действий в Швейцарии лишь для того, чтобы удалить русские войска с Апеннин.

- Перед нами враг сильный, возгордившийся победою. Победою, устроенной коварной изменой! Помощи нам ожидать не от кого, — признавался Суворов. И оглядев своих генералов, подытожил: — Одна надежда на Бога, другая — на храбрость и самоотвержение войск, вами предводимых. Нам предстоят труды, величайшие в мире: мы на краю пропасти! Но мы русские!

И вдруг опустившись на колени, главнокомандующий обратился к своим соратникам с мольбой спасти “честь и достояние России и ее самодержца”.

“Мы, сказать прямо, остолбенели, — вспоминал Багратион, — и все невольно двинулись поднять старца-героя... О, я не забуду до смерти этой минуты! У меня происходило необычайное, никогда не бывавшее волнение в крови. Меня трясла от темени до ножных ногтей какая-то могучая сила. Я был в состоянии таком, что если бы явилась тьма-тьмущая врагов или тартар с подземными духами предстал предо мною, — я готов бы был с ними сразиться!”.

Старший после Суворова из генералов Дерфельден от имени участников совета заверил:

- Что бы ни встретилось, в нас ты, отец, не увидишь ни гнусной трусости, ни ропота. Пусть сто вражьих тысяч станут перед нами, пусть горы эти втрое, вдсятеро представят нам препон, — мы будем победителями и того и другого. Все перенесем и не посраим русского оружия! Веди нас, куда думаешь, делай, что знаешь: мы твои, отец! Мы русские!

- Клянемся тебе в том перед всеильным Богом! — воскликнули хором генералы.

Суворов, слушавший речь Дерфельдена с закрытыми глазами, поникнув головой, при слове “клянемся” восторженно, горячо поблагодарил всех и здесь же продиктовал план прорыва из устроенной западни.

“Мы вышли от Александра Васильевича, — писал Багратион, — с восторженным чувством, с самоотвержением, с силой воли и духа: победить или умереть, но умереть со славою — закрыть знамена наших полков телами нашими... Сделали все, что только было в нашей высшей силе: враг был повсюду бит, и путь наш через непроходимые до того, высочайшие, снегом покрытые горы нами пройден... Одна лишь сила воли русского человека с любовью к Отечеству и Александру Васильевичу могла перенести всю эту пагубную пропасть”.

Когда 26 сентября была перевернута последняя, самая страшная страница бессмертной швейцарской эпопеи — закончен переход через снежный хребет Рингенкопф-Паникс (жуткий спуск с него запечатлел Василий Суриков на знаменитой картине), старый полководец сквозь слезы глядел на своих расположившихся в местечке Кур у костров и жадно поглощавших наконец-то добытую пищу чудо-богатырей — босых, раздетых, изможденных, но не сдавшихся, не побежденных — и бескровными губами шептал:

- Ура! Орлы русские облетели орлов римских!

...Участникам похорон Суворова 12 мая 1800 года запомнился примечательный эпизод. Когда катафалк с телом усопшего генералиссимуса должен был въехать в ворота Александро-Невской лавры, кому-то показалось, что высокий балдахин над гробом не уместится в арочный проем. Уже собирались балдахин разобрать, как вдруг какой-то седой гренадер-фанагориец воскликнул:

- Оставьте! Он пройдет, как везде проходил!

Попытались въехать — и чудо совершилось.

Всю жизнь Суворовым руководили вера в Бога и вера в Добро, которое христианин обязан торопиться совершить. По смерти его, например, открылось, что многие годы он тайно посылал по 10 000 рублей в год в одну из тюрем на улучшение положения заключенных. Он помогал крупными суммами денег бедным, особенно многодетным офицерам, но с условием хранить это в глубокой тайне, содержал в имениях на полном пансионе по несколько заслуженных ветеранов своих походов. Множество разных благодеяний оказывал Александр Васильевич крепостным крестьянам.

Легендарного полководца никогда не предаст забвению народ российский. Не только за его славные подвиги и заветы служивому человеку, но и за сказанные им мудрые и гордые слова, которые ведут по жизни достойнейших наших соотечественников: “Я забывал себя, когда дело шло о пользе моего Отечества”.

Автор статьи и презентации
Кочнев Владимир